

Итак, с языковой точки зрения в данном предложении нет ничего неправильного, так как автор имел возможность выбрать любую из форм прошедшего времени. Однако напрашивается вопрос: нет ли закономерного соотношения между чередованием глагольных форм, обозначающих прошедшее время, и данным жанром? Какие временные значения имеют те или иные предикативные формы глагола у протопопы Аввакума в том жанре, который назван им «повестью»? Почему в одной фразе стоят рядом прошедшее сложное и аорист? Пытаясь дать ответ на поставленные вопросы, мы постараемся определить семантику отдельных темпоральных форм в зависимости от их различных отношений.⁹

1. Из лексико-синтаксического анализа вытекает, что все глаголы, субъектом которых являются Никон или «никонияна», стоят в форме прошедшего сложного (вскрался, разослал, сожег, заморил, стриг, сослал, приказал, погубил, перевел, взял, вытащил; вырезали, отсекали, удавили, сожгли, рассекли) и, напротив, глаголы, субъект которых — последователи Аввакума, «ревнители закона», стоят в аористе или в имперфекте (быша, обретюшася, сожигахуся, преидоша). В особенности сопоставление двух разных форм того же глагола («никонияна» сожгли, но «ревнители закона» сожигахуся) свидетельствует о том, что значения прошедшего сложного и имперфекта различались в повести семантически.¹⁰

2. Семантическую разницу обеих форм можно определить парадигматически. Взаимоотношение данных форм как частей того же кода отражается в догматических спорах того времени. Еще в XVI в. Максим Грек обвинялся в ереси за то, что он исправил в богослужебных книгах прежние аорист и имперфект, заменив их формами прошедшего сложного. Там, где до него в службе читалось о Христе: «взыде на небеса и седе одесную отца», он поправил на: «седел одесную отца». На этом основании ему было предъявлено следующее обвинение: «Максим инок святогорец говорил и учил многих и писал о Христе, яко сидение Христово одесную отца мимошедшее и минувшее».¹¹ Замена аориста и имперфекта формами прошедшего сложного в священных книгах считалась преступлением, и хотя Максим Грек ссылаясь на греческий оригинал и настаивал на правильности перевода, он был осужден за значение формы прошедшего сложного — «мимошедшее и минувшее».

Также один из раскольников второй половины XVII в. справщик, Савватий, обращается к «московским грамматикам» с протестом против прошедшего сложного: «Нас уничижают, а и сами справщики грамматики не умеют, и обычай имеют тою своею мелкою грамматикою бога определять мимошедшими времени ... В воскресном тропаре на пасху прежде сего печатали: и на престоле беаше Христе со отцом и духом; се ныне в новой триоде напечатали мимошедшим временем: и на престоле был еси Христе со отцем и духом. Яко же иногда был, иногда есть. А сего не разумеют, ако лепо богу всегда быти».¹²

⁹ Мы согласны с Л. О. Резниковым, который говорит: «Иманентно-структурный анализ всевозможных сочетаний языковых знаков той или иной языковой системы безусловно необходим для понимания значений, но недостаточен для раскрытия их отношения к обозначаемым предметам» (Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964, стр. 53).

¹⁰ «Перфект первоначально имел значение результивное, выражая результат действия, совершившегося в прошлом... Аорист (а также имперфект) отношения к современному результату не выражают ... в особенности, между аористом и перфектом была явная разница» (J. Kurz. Učebnice jazyka staroslověnského. Praha, 1969, s. 158).

¹¹ Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2. М., 1900, стр. 712.

¹² Цитируется по кн.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., стр. 14.